Позвонила любимая—стало теплей на душе,
Кофейку привезёт—на последние, может быть, деньги.
Покоряются и́з года в год одному и тому же клише
Боевые листки моего скоростного паденья.
Мне опять станет стыдно за мелкий пижамный горох,
За ослабленный ум и похмельную немощность тела.
На моём перепутье всё меньше и меньше дорог,
По которым бы ты прогуляться со мной захотела.
Я опять повернул не туда и никак не пойму,
Почему с каждым шагом моим по дороге к Голгофе
Ты всё чаще приходишь ко мне, словно ангел, сошедший во тьму,
И всё большей любовью наполнена баночка кофе.

Разрастается город—смыкает бетонную цепь.
Заковав небеса, стал безлик и высок он.
Потерялась душа, и на новом стеклянном лице
Гипнотично мерцают созвездия окон.

Этажи. Гаражи. Магазинов ночных стеллажи—
Леденцовая ширма трущобного рая.
Охраняют твоих миражей рубежи
Облака воронья́. А орлы умирают.

Вязкий призрачный город, ты как паразит—
Подсадил на крючок и, баюкая, шепчешь: «Не больно…»
Омертвевшею плотью в твоих небоскрёбах сквозит.
Умирают орлы. Вороньё раскричалось довольно.

Под слоями бетона томятся родные луга.
Солитёрным токсином отравлены воды.
Раздаются всё шире подземной реки берега.
Размывает страну. Разъедает породу.

Вольный ветер, нужны тебе эти чертоги до звёзд?
Ты же веешь над всем окоёмом без малого вечность…
Ты сметёшь всё на свете, и сгинет из каменных гнёзд
Воронья́ ненасытная нечисть!

Вспомни, Русь,—ты святыми корнями в земле
И зелёным побегом колышешь звезду на востоке.
Ты сама себе Солнце, и в волнах пшеничных полей
Твоя жизнь и твои золотые истоки.

Велика ты, Россия! Терпением благ твой народ.
Широтою души он подобен степному простору.
Он снискал себе веру, молясь у небесных ворот.
Так зачем на земле ему призрачный город?!..

Безумный поезд мчится прямо,
Но мне неведомо—куда.
Как линии кардиограммы,
В окне мелькают провода.

Я равнодушьем верхней полки
От неги нижних отлучён—
Там в карты две старушки долго
Играют с солнечным лучом.

Но если поезд хоть немного
Замедлит свой железный ход—
Откроют мне мою дорогу
Листы старушкиных колод.

Бабушка, мой милый ангел,
Мой хранитель на века,
Ты в каком небесном ранге
Так незримо далека?
В керамическом овале
Образ твой и чист, и свят.
Там, куда тебя позвали,
Адресов не говорят.
Где теперь тебя искать мне?
Здесь ли следующий дом?
Белый памятник из камня
Не сдаёт дома внаём.
Над могилкой месяц ранний
Озаряет город Брест.
Вновь сочится старой раной
Нарукавный красный крест.
Под лихим огнём вставая,
Забывая боль и страх,
Воевала фронтовая
Медицинская сестра.
Выносила с поля боя:
«Братец, миленький, держись!»
Снились небо голубое
И бинты длиною в жизнь
И в одну шестую суши.
Спит душа…
Проснись, страна!

Ангелы поют всё глуше…
Всё морозней тишина…

«Все для фронта!» — бывало, скомандует сумрачный старший.
«Для победы!» — сквозь ругань и лай отзываются кашлем в груди.
Ломом яму долбили во льду для смертельно уставших.
Без крестов и имён, без оград и наград: «Победим!»

В том краю, беспредельно-холодном, безжизненно-лютом,
В память ратных побед — перекрестия рельсов и шпал.
Отгремят ли когда-нибудь залпы победных салютов
Над могилами тех, кто и здесь, кто и так… воевал?

Воскресенье. Родное село. Девяностые годы.
Привезли семена на рассаду и первых цыплят на базар.
Громыхнуло ведром — кто-то вышел из дома по воду.
И тотчас пролила над степным захолустьем гроза.

Хлестануло стеной по товару в нехитром развале.
Утекли в закипевшую грязь помидорные всходы с лотков…
Разметало коробки с птенцами. И бабы в тепле горевали,
Что весенним ручьём посмывало, поди, цыплаков.

А гроза бесновалась, стреляя небесной пищалью.
Продавцы по машинам совали добро в закрома.
А у местных мальчишек истошно фуфайки пищали,
Пока шли по селу и тащили улов по домам.

Старый дом при дороге. Смородина зреет в пыли.
Остывает в рассветных лучах перегретая «Волга» —
Прикатили под утро. И внука с собой привезли.
Жалко, сами побудут недолго.

Дочь в косынке, как в прежние юные дни —
Будто вовсе не ведали города светлые очи, —
Не спала и в прохладной придомной тени
Рядом с мамой усердно хлопочет.

Озаряет светёлку счастливого внука лицо —
На раздолье пускай поживёт перед школой.
Он всю ночь на переднем сиденье с отцом
По водительской карте прокладывал путь через сёла.

Отдохнули с дороги и утром — на местный базар:
Банка краски, цветы, полкило карамели.
Повезут на машине — к улыбчивым светлым глазам,
Что на скромном овальном портрете три года светлели.

Аккуратный простой обелиск со звездой, без креста,
Подновят и оставят в ограде конфетную россыпь.
Будут ярким кармином лучи на рассвете блистать
И раскрашивать спелые русские росы.

А теперь, и не звана, и звана родня, приходи повидать!
Для далёких и ближних готовы дары и пиры из столицы.

И приносят в ответ с огородов нехитрую дань.
…И степная дорога от быстрого шага пылится.

Из попутки с рассветом вышли,
Покидав рюкзаки в кювет.
Сильно пахло цветами и вишней.
И бензином тянуло вслед.

— Поглядишь, откуда мы родом, —
Вёл отец меня полем к жилью:
Деревенька в три огорода
Опрокинулась в колею.

Пустоцветами смотрим в небыль.
Навевает тоску ветерок.
Задрожало бескрайнее небо
В голубых разливах дорог.

Всё распахнуто ветру и водам:
Рассевай, поливай, мели!
Ту лазурь, из которой мы родом,
Закрутили вихри в пыли.

Зашумели прогибы кровель —
Плакал дождь, отпуская грехи.
Со стены почернел, посуровел
Старый дом на раскрестье стихий.

Ветер сгинул. Из сумрачных далей
Солнце тянет слепящую нить.
Просветлело. — Ну что, повидали?
Нам попутку ещё ловить…

На глухаря

Весна, похожая на осень, —
Рыжеволоса и угрюма.
В тысячемачтовиках сосен
Текут пустующие трюмы.
Ветвей тугая тетива
В тиши выцеливает воздух.
И снег, отзимовавший в гнёздах,
В лесной ручей откочевал.
Туман живёт крылатым эхом,
К земле густеет и лоснится,
Но редко чёрную прореху
В нём пробуравливает птица.
А временами полнолуний,
Когда глазами правит страх,
Гнилые волосы колдуний
Ползут среди погибших трав.
Дрожа, иду несмелым скрадом —
Спешу расслышать до зари,
О чём толкуют где-то рядом
Невидимые глухари.
То волком на прогалах рыщу,
То зайцем кувыркаюсь в ночь.
Нашёл дорогу к токовищу…

…А птицы улетели прочь…

Май сорок пятого

Барахолка в обугленной каменной крошке.
Суетливые фрау в переднем ряду:
— Дивандеки, наряды, губные гармошки —
«Битте, битте, зольдатен», в обмен на еду.

Принимало трофеи голодной украдкой
Вещмешка холостое нутро:
Фройлен-кукла, чулки, перстенёк, шоколадка,
Портсигар. Позабытый патрон.

До Берлина с боями шагали три года,
А обратно — в теплушках за пару недель.
Подступали полком, а разъехались взводом.
Хорошо, что весна. Не метель.

Под напевную сказку медалей негромких
По пути вспоминал уцелевший отряд,
Как ходили в атаку и как похоронки
Устилали победный «ни шагу назад».

И души огневая бетонная точка
Наконец оживала, в боях прожжена, —
Когда новую куклу баюкала дочка
И в чужой фильдекос наряжалась жена.

● ● ●

Ребятня напоминала птиц:
Кто чижом дрожит, кто цаплей замер.
Серый ветер в опуши ресниц
Смотрит вдаль мальчишьими глазами.

Гомонили. Этот — бас берёг,
Тот — пищал птенцом, взъерошив перья.
Улетал нескладный матерок
Через реку на пологий берег.

— Пацаны, давайте сиганём! —
И шальной гурьбой бросались с кручи.
На крыло! — кричало вороньё,
Из-под неба выкликая лучших.

— А давайте наперегонки! —
Полилось разноголосой трелью. —
Маханём за дальние буйки!
На слабó! А ну-ка, кто быстрее?

Бронзой полыхали на волнах
Безрассудной молодости плечи.
С плеском расступалась пелена!
Занырнул, и кажется — навечно!

…Скольких вознесут и искалечат
Разного полёта времена!

● ● ●

Срезаны замки. И дверь наотмашь —
Вышибли ногой в тяжёлом берце.
— Ты, сынок, мне прочитать поможешь? —
Бабушка хватается за сердце.

Старший машет гербовым пакетом,
Распечатал, в цифры пальцем тычет:
— Здесь начислено за то, за это…
В общем, долгу на четыре тыщи…

— Ой, сынок, да я ведь и не знала,
Думала, что подождут до лета…
— Бабка, ты теперь невыездная! —
Склабятся бойцы в бронежилетах.

Койка. На стене ковёр с тесьмой.
Переписана посуда в горке.
На столе судебное письмо.
И орёл с печати смотрит зорко.

Пристав пишет, а гвардейцы ждут
В броневой защите от тротила:
Может, скоро премию дадут —
Бабушка за газ не заплатила…

● ● ●

Помню поезда общий вагон:
Полка верхняя, полка нижняя;
Дед рассохшимся сапогом
Подпирает корзину с вишнями.

Кто-то спит, калачом застыв;
Кто-то в карты всю ночь играет.
Телеграфных столбов кресты —
Горизонт без конца и без края.

Полустанок. Тревожная тишь —
Будто воздух из вечности соткан.
— Ты куда, шебутная, летишь?
Захотела под поезд, красотка?

Заскочила в вагон навзрыд:
— Я уж думала — всё… Не уеду…
Взвыл гудок, покатились дворы
По колдобинам дымного следа.

Сверху — карт козырной переплёск,
Снизу — ягод дыхание пьяное.
А в стекле — отражение слёз
И подлунный пейзаж с бурьянами.

Пряхи

— Прялка-самопрялочка, скажи:
Долго колесу ещё кружить?
Как в трудах нам превозмочь усталость?
Сколько нам сучить ещё осталось,
Слушать пересвист веретена
В синеоком океане льна?
Словно не живём, а из кудели
Тянем прядь. И сердцем оскудели.
И совсем осунулись лицом—
В неизвестность крутим колесо.

— Скоро вы отправитесь с причала,—
Самопрялка, скрипнув, отвечала.—
В синеоком океане льна
Под напевный свист веретена
Через горизонт с седьмого неба
Ясные лучи забросят невод—
Пробежит дорожка из белил,
И по ней помчатся корабли,
Воспаряя в вечные просторы,
Замыкая круг земных историй.
На катушке оборвётся нить,
Колесо откажется кружить.
И тогда попутный свежий ветер
Заберёт вас из прядильной клети.

— Прялка-самопрялочка, скажи:
Долго нам потом сидеть в тиши?
Сколько нам из корабельных трюмов
За полями наблюдать угрюмо
И не слышать свист веретена
В синеоком океане льна?

Самопрялка тихо отвечала:
— Через год начнётся всё сначала,
Подойдёт коловращенья срок—
Свяжется на нитке узелок.
Где-то рядом из земного тлена
Прорастут грядущих поколений
Всходы—для иных осенних жатв.
Эти всходы пряхи сторожат—
Те, которых из прядильной клети
Уносил на небо прежний ветер.

— Прялка-самопрялочка, прости.
С кораблями нам не по пути.
Не устали—просто показалось.
В теле много сил ещё осталось…
Как приятна песнь веретена
В синеоком океане льна!

Север

Рассыпается долгая ночь. Сонно ухают филины
В бесполезной надежде сдержать отступление тьмы.
Самовластие снега. И насыпь, и лес обессилены
Затянувшимся бременем лесоповальной зимы.

Но и здесь, в бесконечно растущих еловых торосах,
Где не слышно десятками лет человеческих слов,
Как ружейными выстрелами, от великих морозов
Наполняется бор оглушительным треском стволов…

Успокоилось эхо. Доносится глуше и глуше
Трепыхание птиц, притворившихся битыми влёт.
Снова выстрел… И снова седые еловые уши
Прижимаются к мёртвой земле придорожных высот.

Обрекая озёра туманов холодно-апрельских
На короткое небытие, словно ржавая сталь,
Рассыпается ночь. И, звеня в промороженных рельсах,
Догоняет вагоны, давно унесённые вдаль.

Снова радужно-чистое небо, как будто весна в нём
Размела облака. И не знавшая грусти звезда
Загорелась нежданно-негаданно воспоминаньем
Обо всех проходивших под синим лучом поездах.

• • •

Счастливого пути, родной, зелёный, скорый!
Под выцветшим гербом идёшь на перекрас.
Гудок, ещё гудок. И ветры вторят хором:
Приятных перемен! Удачи! В добрый час!

Пошёл на всех парах. Тебя тепло встречали:
«Подкрасим колоски—и высохнут к утру…»
Уютное депо увито кумачами:
«Живее всех живых…», «Даёшь ударный труд…»

…Не стало в октябре багряного наряда.
Упал последний стяг. Отвинчены гербы.
Ржавеет паровоз, собака воет рядом.
И нет уже труда, и жизни, и борьбы…

…Скелеты корпусов. Торчат наружу рёбра—
Опорные столбы не устают стареть.
Ушедшим временам вослед глядят недобро
Вожди бродячих стай—вельможи пустырей.

А глобус на гербе—как шар из пыльной лузы—
Достанут, подновят, когда наступит год
На тлеющих костях Советского Союза
Зажечь, очаровать и обдурить народ…